

Расшифровка интервью

Дата: 26.10.2023

00:00:01

Я Римма Григорьевна Кононова. Родилась 3 июля, в 1938 году, в деревне Вырова Пешнигортского сельского совета Пермской области. Я дедушку, конечно, не знаю. Я родилась после него. Арестовали деда, Мехоношина Макара Романовича, 28 сентября, в 1937 году. В это время он работал завфермой, и арестовали на рабочем месте. Вначале, когда образовались колхозы, он записался первым, был председателем колхоза. Потом завфермой. Родился Мехоношин Макар Романович в 1892 году в деревне Гришино Верх-Юсьвинского сельского совета. Недалеко, 220 км от города Кудымкара. Остался он без родителей. Воспитывался потом в соседней деревне у родственников. Дедушка был, по воспоминаниям родственников и соседей, был очень трудолюбивым. Очень любил простых людей. Он всегда кормил ребят, которые жили бедно, потому что сам очень много испытал бедности, нищеты.

00:01:46

Римма Григорьевна, дед ваш воевал в Первую мировую войну. Его забрали на фронт, правильно?

Да. Да.

00:01:55

Вот давайте про это тоже расскажем.

Когда подошло время ему служить, его забрали в царскую армию. В 1914 году он попал в плен. Участвовал в империалистической войне. Попал в плен в Германию. Вернулся оттуда только в 1918 году. И сразу женился на моей бабушке, на Мехоношиной Анне, ой... На Мехоношиной Екатерине Михайловне. И стал жить в деревне Вырова, Пешнигортского сельского совета. Дальше что?

00:02:38

А вот то, что вы мне рассказывали до этого, что дед был неграмотным, не получил никакого образования, но вернулся из плена со знанием немецкого языка.

Да, ну сейчас скажу. Когда он попал в плен в Германию, то научился говорить по-немецки. Прекрасно говорил по-немецки. Умел писать и читать. И вот мама, как мама вспоминает, она училась в шестом классе. В шестом классе училась. И он даже помогал решать ей примеры. Кто-то пришел. Света, ты? На этой фотографии моя бабушка Екатерина Михайловна Мехоношина. Она воспитала меня с первого дня, до восьми лет я воспитывалась только с бабушкой. Она была очень мужественной женщиной. Она перетерпела все трудности. Бабушка рассказывала мне, она видела сон, мужа своего Макара Романовича. Говорит, в яме и держится за живот. Все кишки, говорит, вышли у него. А тогда мы еще не знали, что он расстрелян в Свердловске. Мы об этом не знали. В первые годы еще она видела, как, видимо, расстреляли, она видит этот сон, что он держится за живот, а кишки все вышли. А потом только мы узнали... А в начале, знаете что, первый раз, свидетельство о смерти, вот я это тоже помню, пришло где-то... Там было написано: работал на лесоповале в Сибири и умер от укуса клеща в 1943 году. Это ложь была. Вот как обманывали.

00:04:44

А в этом свидетельстве?

А здесь-то нет. Это правильно всё. Это расстреляли... 28 сентября их арестовали, а 4 ноября расстреляли в Свердловске, в этой яме.

00:05:02

Причина смерти: расстрелян.

Ну. Ты нашла свидетельство о реабилитации?

00:05:11

Нет, вот в том-то и дело, что нет. Не искала, а сейчас вот спохватилась искать и ничего не нашла, вот только свои записи, что дядя Саша мне рассказывал еще.

00:05:27

Давайте начнем с того, что... в каком году, я не помню, стали строить дорогу? Пермь — Свердловск.

В 1980-х, по-моему, годах стали строить. Ну, забыла...

00:05:45

Неважно, неважно, пусть будет в 1980-х. Давайте. Когда начали строить дорогу и что там нашли?

В 1980-х годах стали строить дорогу между Пермью и Свердловском. И когда копали экскаваторщики, экскаваторщик нашел, когда поднял он ковш, он обнаружил там полный ковш, был забит костями. И тогда поняли, что что-то тут неладно. Они сообщили администрации, но было запрещено даже кому-то говорить. И несколько лет всё это замалчивали. Только в 1990-х годах стали уже строить мемориал на этом месте. Вот, пожалуйста, вот этот памятник первый. И там огромные плиты выложены, и там написаны все фамилии. И когда я поехала первый раз на этот мемориал, я обнаружила на одной плите фамилии своего отца, Мехоношина Макара Романовича, и бабушки Светланы Семеновны Баяндиной, Мехоношин Макар Григорьевич. Они рядышком написаны. Наверное, и в один день их расстреляли. Конечно, я приехала домой, сюда, в Кудымкар, и сказала, сообщила Светлане Семеновне, что «твой дедушка тоже лежит там, расстрелян там тоже, на этом же месте». И вот мы стали ездить, уже несколько раз побывали на этом месте. Всё.

00:07:36

То есть у вас у обеих расстреляны деды?

Да.

00:07:40

Деды.

00:07:42

И у ваших дедов одинаковые фамилии?

Да. Потому что они родились в одном месте.

00:07:49

В Верх-Юсьеве.

00:07:50

В Верх-Юсьеве.

00:07:52

Это Коми-Пермяцкий округ?

Да, да.

00:07:55

Ваши деды были коми-пермяками?

Да.

00:07:57

Да.

- 00:07:58 **И вы тоже коми-пермячки?**
Да.
- 00:08:02 **Их расстреляли в одно время?**
Да.
- 00:08:05
Да, да.
- 00:08:07 **Светлана Осиповна, почему вашего деда расстреляли? Почему его расстреляли? Почему вашего деда расстреляли?**
Мне или ей отвечать?
- 00:08:15 **Светлана Осиповна.**
Светлана Семеновна, отвечай.
- 00:08:17 **Ой, извините.**
Отвечать?
- 00:08:19
Отвечай. Туда.
- 00:08:22 **Мне, мне.**
Расстреляли деда за то, что он, дескать, организовывал что-то тут... переворот. Кого-то сместить хотели. Власть перевернуть тут, что-то. Чуть не троцкистом, что ли, был. Ага. А человек он был, ну, не скажу, что очень грамотный, но последняя его должность была председателем колхоза, он в Верх-Юсьве работал. А до этого... Тут же у нас леса на севере, леспромхозы, и вот он в Косинском, в Кочевском, в Юрлинском районах в леспромхозах работал. Работал, ну, не рядовым, естественно.
- 00:09:22
Занимал должность.
- 00:09:24
Должность какую-то. Сейчас точно... Ну вот, например, вот как дядя Саша пишет.
- 00:09:38
Дядя Саша — это сын у Макара Григорьевича.
- 00:09:42
Сын.
- 00:09:43

Дедушки.

00:09:44

Брат, моей мамы. [Нрзб] учился в Добрянке на курсах на начальника ОРСа, шесть месяцев вот он учился. Потом избрали председателем Юрлинского сельсовета, все переехали в Верх-Юсьву. А Макар Григорьевич стал директором Кудымкарского лесхоза. Всё с лесом связано у него. В Стариково, в Юсьвинском районе работал начальником участка. И в 1936 году, когда он работал председателем колхоза вот в этой в Верх-Юсьве, у него головные боли начались. Ну типа эпилепсии, видимо, приступы какие-то были. И он попросил освободить его от этой должности. А арестовали в 1937 году, 26 августа, на тракторной... во время сева. Он работал на тракторной сеялке. На глазах сыновей. Александр и Альберт сыновья были. Потом обыск в доме. И увезли... Обвиняли в пажеже скота, коней. Коней. Вот это последнее, в чем обвиняли. А там что-то еще были. В 1957 году, в 1957 году в МВД выдали документы бабушке. В 1957-м только.

00:11:50

Это арест. И что унесли.

00:11:55

Да, арестовывали. Пришли с обыском. Ну, в леспромхозах, и всё, работали. Пятеро детей. Была одежда. И всё, по сравнению с рядовыми колхозниками, побольше было. Всё снимали, всё вынесли. Бабушка только говорит: «Я плачу, сейчас август, а осень, зима наступит, дети-то что оденут? Они ведь голые будут». Вот так, всё вынесли. Богатство у них было — самовар. Вот это я хорошо помню, что у них самовар даже был, у коми-пермяков. И этот самовар, посуду. Ну в общем, почти голые стены. И тряпки, которые не нужны были. Пятеро детей осталось. И счастье моих... Ну, моей мамы и ее братьев и сестер в том, что им разрешили учиться. Мама поступила в педучилище в кудымкарское. Она была с первого класса и до конца отличницей, была отличница, хорошо училась. Она получила образование, был двухгодичный учительский институт после педучилищ.

00:13:30

В Кудымкаре.

00:13:31

В Кудымкаре. Вот неполное высшее образование у мамы было. Она получила уже во время войны. Уже война началась. А хороших людей... Вот тогда... Вот здесь около Кудымкара, в Кудымкаре вот эти доносы писали, писали, писали — кто попало на кого попало. Дело в том, что на моего деда какой-то Бормотов из соседней деревни Бормотово написал этот донос. Через месяца два его самого арестовали и тоже расстреляли. На него тоже кто-то написал. И вот мама училась. Вот уже война. Платить нечем. И ее предупредили, что она должна заплатить, иначе ее отчислят. Ну я говорю... Но стипендию-то она получает как отличницей, вот на это и живет. А что платить за учебу — у нее денег нет. Потом к ней подошла преподаватель. Говорит: «Катя, тебе надо заплатить, иначе тебя отчислят». Она говорит: «Ну нечем мне платить. Нечем. Я не могу заплатить». Ну, та ничего не сказала. Мама учится. Ее не отчисляют. Девочки спрашивают: «Что, Катя, заплатила? Тебя же не отчисляют». Говорит: «Нет, не заплатила». — «Так ты иди, да узнай, почему тебя не отчисляют». Пришла в бухгалтерию, стала спрашивать, и ей сообщили: вот эта преподаватель как раз заплатила за ее учебу. Вот люди были. Заплатила за ее учебу, и мама закончила институт, получила образование. А потом, когда мама стала учителем работать, а уже всю войну, и она какие-то продукты... А мы оказались в папиной семье. Папа уже тоже был на войне. В папиной семье оказались с мамой. Они довольно зажиточные, ну, не голодали. Не голодали. Не жили шикарно, но мука, крупа, скот держали. В общем, все продукты были, и они не голодали. И мама поехала в Кудымкар, набрала муку, крупу ту же, хлеб, печеный хлеб. А у нас хлеб очень хороший пекли. Я всякий хлеб видала в деревнях, всяко пекут, а у нас умели вот такой хлеб. Что-то, сметанки, молочка привезла вот этой своей преподавательнице. Она говорит: «Ой, Катя, я хлеб уже неделю не ела, ты меня спасла». Вот так они друг друга спасали. И потом я уже, наверное, война, может, закончилась, что я 1941 года, декабрьская, так война кончилась, мне три года было. И мы всё равно к этой преподавательнице с мамой заезжали, как в Верх-Юсьву поедem, так к ней заезжаем опять, гостиницы, гостиницы, вот так друг друга спасали.

- 00:17:21 **Благодарили да, ее?**
Благодарили друг друга. Мама же понимала, благодаря кому она институт-то закончила. Ей бы дали по шее, дочь врага народа.
- 00:17:35 **А как так получилось... Это надо еще проговорить, почему у ваших дедов одинаковые фамилии и вы не родственницы?**
Ну вот я же сказала, вот в Верх-Юсьве, там все Мехоношины, родня не родня...
- 00:17:57
...всё равно Мехоношины.
- 00:17:58
Вот у папы там в Чинагорте, там Кривошековы.
- 00:18:00
В другом месте Зубовы, где-то вот в Пешнигорте Зубовы.
- 00:18:04
Здесь в Кудымкаре Кудымовы, Климовы.
- 00:18:09
Это, видимо, что ли, как поселения такие, деревня — и все одна фамилия, и всё.
- 00:18:17
Да.
- 00:18:18
Однофамильцы все.
- 00:18:20 **Римма Григорьевна, и ваш дед ведь тоже был председателем?**
Да, да.
- 00:18:26 **То есть получается, тоже история похожа, да?**
Да.
- 00:18:30 **Что мужчины, которые занимали...**
Должности.
- 00:18:33 **Должности.**
Должности.

00:18:35

А вы знаете, кто на вашего деда донос написал?

Я знаю, только фамилию уже забыла. Три человека, соседи в деревне, в нашей деревне. Петр, а фамилию я не знаю, забыла. Второй... Второй Виктор, тоже фамилию не знаю, наверное, Денисов. И его сын Филипп, вот эти трое написали анонимку на деда. Почему написали? Потому что зависть. Он же не местный был, не выровский, а занимает должность. Поэтому, наверное, как-то завидовали, что ли. Он выделялся среди колхозников. Поэтому, я считаю, поэтому написали. И он трудолюбивый очень был и гостеприимный, и, наверное, какая-то зависть была у людей. Жили они, видимо, зажиточно тогда.

00:19:44

То есть, получается теперь, что по прошествии всего этого времени ваши деды лежат в одной общей могиле?

В общей могиле, да. Да. И на плите друг за другом их фамилии.

00:19:57

Вы ездите, вы были вместе на...

Да, мы несколько раз, наверное, раз шесть-семь, наверное, уже ездили.

00:20:03

Да, и дочь моя ездила.

00:20:07

Да. Ездили мы постоянно, вот после того как я узнала, что ездят с Перми, а наши молчали, помалкивали. А я добилась, чтобы нам разрешили ездить. И мы после этого стали каждый год ездить. Знаете, вот я еще расскажу. После ареста дедушки над бабушкой очень сильно издевались. В нашем доме устраивали правление, выборы устраивали. Нашим маме и бабушке разрешалось жить только на кухне, во второй половине дома. Не давали лошадь, чтобы привезти дрова. И вот перед моими глазами, я уже маленькая была: бабушка вырубит, из лесу вырубит елки вот эти и на плече тащит эту елку, по земле волочит. Потом приходит и пилит пилой, вот такой поперечной пилой. Колет, и мы топим печку, нам тепло. А зимой еще мы спали с бабушкой... Мама училась, вот вместе с [ее] мамой, они вместе учились в педучилище. Мы лежим на печке, дом был большой, чтобы тепло было. Зимой идут эти... молодежь. Поют песни, частушки. Кричат: «Троцкисты, враги народа, кулаки!» И все окна палкой выбьют. Мы плачем с бабушкой. Она спустится с печки и тряпками занавесит вот окна эти, до утра мы так живем. А потом, у нас там был родственник со стороны бабушки, и он застеклит эти окна. А на следующий день снова выбьют эти окна. Поэтому очень было страшно, очень было голодно. Очень было холодно в доме. И постоянно издевались над бабушкой. Били даже вот эти. Бабушка рассказывала, они повезли молотье зерно в соседнее село, в соседнюю деревню, и эти женщины договорились. Можно сказать, подруги у дедушки. И они бабушку так избивали! Выкинут эти мешки у бабушки. Она плачет, снова поднимает эти мешки на телегу. И вот так мы прожили. Очень страшно было. Поэтому всё испытали.

00:22:57

Ведь это люди, которые жили в деревне.

Да.

00:23:02

Это маленькое место, где все друг друга знают.

Да, да.

00:23:07

Почему так происходит, что одним очень хочется издеваться над другими? Мы сейчас не говорим про то, почему так власть поступала — это отдельная тема. А почему люди, видя горе другого человека... Откуда это желание издеваться? Хотя это же все свои. Да? Это коми-пермяцкая деревня. Вроде бы мы все одинаковые. Практически. Ну чуть-чуть. Но мы же какие-то родные всё равно.

Ну вот, я считаю... Бабушка у меня тоже была куплена в эту деревню зажиточными крестьянами. Михаил и Татьяна. А родители у нее уехали в Сибирь. Родственников не осталось никого. Дедушка был тоже из другой деревни. Поэтому, может быть, какая-то ненависть, что ли, была. Или злость. Кто его знает. Может быть, чем-то выделялись они. Дедушка чем-то выделялся. Он еще, кстати, торговал. Имел... выкупал где-то в Кудымкаре, видимо, сапоги, валенки, материал. И потом торговал этим, давал крестьянам. Они же покупали всё вот это. Может быть, какая-то зависть была поэтому. Или ненависть. Защитить дедушку и бабушку было некому. Родственников не было в этой деревне. Я считаю, вот так.

00:24:48

Светлана Семеновна, а ваша бабушка после расстрела деда что-то подобное испытывала?

Испытывала, но не настолько. Не настолько.

00:25:02

Она в своей деревне жила потому что. Может быть, так.

00:25:06

Они остались там. Дети в школу ходили. Мама уже в педучилище училась. Корову, весь скот унесли соседи. Теленка, уже большого теленка отдали бесплатно нам. Бесплатно. Они вырастили, и опять корова отелилась, и молоко-то хоть свое было. Огород был, картошка была. Но вот самая младшая семимесячная осталась сестра у мамы. Она говорит: «Вот картошка есть, молоко есть. Но только молочко выпью, картошечку съем — всё выблюю. Организм не принимает. Организм не принимает. Хлеба нет, хлеба нет». Они тяжело жили. Но потом, что вот это в 1937 году расстреляли, а война-то началась. Дядя Саша, после мамы, брат, после мамы был, ушел в армию, в артиллерии служил, офицером был, в общем... Тетя Рая, это средняя сестра у мамы, она по натуре солдат, и она тоже пошла радисткой. Выучилась на радистку и тоже в армии служила. Вернулась потом домой. Вот такая всю жизнь была.

00:26:51

Воинственная была. Молодец.

Да. Ей палец в рот не клади. Она отстоит себя, не даст обидеть. А вот дядя Альберт, в 1937 году, он 1929 года, считайте, еще и лет восьми, видно, был, а Нина семимесячная. Вот им досталось. Вот они и голодали, и в школе... А мальчика еще — враг народа, враг народа. И они же переживают это. А потом уже Нина подросла. Бабушка говорит, до того бедно жили, так вот... Ну два метра ситчик[а] дадут — и то девочке какое-то платьишко сошьют. «А у нас, — говорит, — ну нету, нет, не откуда взять, всё, что было, унесли. Не из чего. Я приду в школу и говорю: “Ну помогите же Нине. Ну всем же дают, всем же даете. Ну Нине хоть бы на платьишко ситчик дали”. — “А у тебя кто муж? У тебя где твой муж? Враг народа? Ты чего просишь? У тебя муж враг народа”». Всё на этом. Вот сколько мама тянула. Вот мама сколько им помогала. Продукты привозила. Так вот, я хочу сказать, ну Верх-Юсьва — это 20 километров к югу от Кудымкара. А мы из Юсьвинского района. Это на восток. Папа, папа мой оттуда. Да тоже по прямой-то 20 километров до это... Но разная картина была. Тут все...

00:29:00

Нищета.

00:29:01

Все... На всех доносили, арестовывали. Враги народа. У нас там не было никаких врагов народа, не было. У нас не было. Только единственный был военачальник из Чинагорта, из папиной деревни. И то где-то он уже большим начальником был, где-то в центре России. И вот там его тоже кто-то подъял, и арестовали и расстреляли. А в деревне нет. У моего мужа, это еще 12 километров от Чинагорта, там вообще никого, там врагов народа не было.

00:29:49

Ну, видимо... Видимо, в центре... В центре Кудымкара, Кудымкарский район.

- 00:29:54 Здесь вот это было распространено.
- 00:29:57 Да. В других местах меньше...
- 00:30:01 ...доносили, подъядали.
- 00:30:03 Вот я еще хочу дополнить. Вот тут... Когда из госбезопасности приезжал мужчина с делом дедушки, вот он оставил, что взяли у нас. У нас было два дома. Один из тех, которы[й] написал анонимку, он увез себе домой вот этот дом и построил дом. Я в этом доме бывала, огромный дом был. Там шубы, тулупы, рубашки. Вот тут всё написано. Всё увезли.
- 00:30:42 **А вы можете пояснить, что значит «увез дом»? Я представляю, только можете рассказать об этом?**
- 00:31:00 Да. Да, вот дом, дом они... Вот этот дом и всё имущество в доме, всё распределили, растаскали по всем колхозникам.
- 00:31:01 Дом разобрали, он увез к себе.
- 00:31:04 Разобрали, да. К себе, и построил дом себе.
- 00:31:05 То есть бревна, да?
- 00:31:06 Да, да, да.
- 00:31:08 Да, из этого дома, разобрал его и перенес, чтобы не тут рядом с ними быть.
- 00:32:48 Да. Да. Да-да-да. А вот когда мама училась в техникуме, я же... Бабушка ходила на работу в колхоз, а меня в люльке оставляла с кем угодно. Там кого-то позовет, вот она сидит, а потом немножко я подросла, я ходила к соседям, она оставляла. Мне даст бутылку молока, кусочек хлеба, положит на окошко. Вот я около окошка вот тут сижу. И вспоминали всегда, кому она оставляла. Говорит: «Целый день просидит, мы спросим: “Римма, ты хочешь кушать?” — “Нет, не хочу”». И молоко не трону, и хлебушка не трону. Бабушка придет с работы, меня заберет с этим молоком и с хлебушком домой обратно. И вот я бабушке говорю: «Бабушка, вот у них такой шкаф есть для посуды, такой красивый, такой красивый!» А бабушка мне говорит: «Это наш шкаф. Когда дедушку арестовали, всё вот разобрали, всё имущество разобрали, этот шкаф — это наш». А я завидовала этому шкафу. У нас-то ничего уже не было, а вот у них такой красивый шкаф. Очень было тяжело, очень. Вот я вот это помню, до 1957 года я боялась даже выйти на улицу, потому что «враги народа, кулаки, троцкисты». Это было имя.
- 00:32:48 **А почему до 1957 года? Не до 1953-го, смерти Сталина?**

Нет, нет, нет. В 1957 году реабилитировали. В 1957 году всех реабилитировали.

00:33:01

А вы помните 1953 год? Год смерти Сталина.

Мы помним. Конечно. Я училась в седьмом классе тогда.

00:33:10

А я в четвертом.

00:33:11

Мы все плакали. Построили линейку в школе. Мы все плачем: дедушка Сталин умер, который любил детей. А на самом деле... кто его знает? Потому что... было такое тяжелое время, что нужно было уничтожить большинство людей. Людей тех, которые трудились, которые работали, которые, как бы хотелось им тоже новой жизни.

00:33:43

Много образованных.

00:33:44

Да. Новой жизни им хотелось. Но таких людей, видимо, не любили. И поэтому они попали под арест. Я считаю так. Было очень тяжело. Вот нам, например... У меня... У Светланы Семеновны у мамы было пятеро детей, сестер и братьев, а у меня мама была одна. Одна. И остались они, бабушка моя, жена Макара Романовича, и мама. Конечно, им очень сильно досталось. Очень, вот... На моих глазах, я уже рассказывала, что лошадь не давали, чтобы привезти дрова. В доме холодно. И она в лес ходила с топором, рубит елку и тащит, на моих глазах тащит вот эту елку на плече и потом пилит. А я не могу таскать вот эту пилу поперечную. Она скажет: «Сиди тут и смотри на меня». Потом напилит эти дрова, расколует, и мы топим печку. И нам хорошо с ней, с бабушкой. Я почти что до школы, даже после школы я жила только с бабушкой. Мама, вопервых, училась три года. Потом она работала в разных местах. А я всё с бабушкой. Помню, мне надо было идти в школу в первый класс, а я заболела. Заболела очень страшной болезнью. Бабушка даже не знала, какая у меня болезнь. Я уже закрыла глаза, и она перед иконой на лавке, в деревне же были лавки, она положила перед иконой с закрытыми глазами. Я тут лежала несколько дней, я не кушала ничего, даже не пила. И потом она позвала соседку, бабушку тоже, она меня положила в корыто, какое-то корыто — но я этого абсолютно не помню, только по рассказам бабушки — и что-то там какие-то слова говорила. И сказала: «Если она утром откроет глаза и попросит кушать, значит, будет жить». Я на самом деле, говорит, утром... Утро наступило, я говорю: «Бабушка, я хочу кушать». Она: «Ой ты»... А у нас «кага» — это «ребенок». «Ой, кага, сейчас-сейчас я тебе дам покушать». И вот я стала жить. А пошла на второй год только в школу уже в соседнюю деревню, меня мама к себе забрала в Полово. Вот я там закончила первый класс. Вот очень тяжело было.

00:36:40

А бабушка говорила на коми-пермяцком?

Бабушка говорила на коми-пермяцком. И она была тоже совершенно неграмотная, но у нас были книги. Вот она уже когда вышла на пенсию, она читала эти книги, картинки смотрела. Я прихожу, я говорю: «Бабушка, ну-ка, что ты начитала, что ты расскажешь мне?» И она вот смотрит на эту картинку, даже может вниз головой держать, и рассказывает, что там случилось. Очень любила «Молодую гвардию» Фадеева. Я рассказывала. И вот когда поминки бывали, настряпает и она всех скажет: «Вот, помянитесь, помянитесь, — и скажет: — Олег Кошевой, Ульяна Громова, все молодогвардейцы, помянитесь». Вот так вот. Было такое дело.

00:37:34

А бабушка была верующей?

Нет. Она почему-то не верующая была. Не знаю почему, но она как-то не верующая была. А сестры у деда моего, которые жили в Верх-Юсьве, они все были верующие. И вот сейчас все поколения, они как-то верили, а бабушка моя почему-то не верила. Она и не учила меня молиться, в церковь куда-то ходить... В Ёгву, это километров 15, наверное, от Кудымкара, Ёгва,

там церковь-то работала, все люди ездили туда, а бабушка никогда не ездила. И мне никогда не говорила, что «ты молись» или что-нибудь делать. Поэтому я до сих пор не верующая. Хотя у меня есть иконки, но это чисто вот так.

00:38:34

Светлана Семеновна, а ваша бабушка верующая была? Я же знаю, что коми-пермяки, всё-таки еще свои верования есть, языческие.

Ну есть, видимо.

00:38:46

Была языческая вера. Но мы это уже...

00:38:49

[Нрзб] и всяким идолам там... Что-то в общем такое.

00:38:54

Ну какие-то обряды свои.

Да, обряды, да.

00:38:57

Ну, верх-юсьвинская бабушка, я не помню, чтобы она сильно молилась куда-то по церквям. Нет, тоже нет. А вот в Чинагорте бабушка всегда молилась. Все взрослые-то уйдут, а мы с ней перед иконами стоим. Ну, она молитвы, а я... Бабушка что-то, и я... Потом бабушка сказала, что так нельзя. Ну, как бы я дразню, что ли. И выучила со мной молитву. Я знала одну молитву. Знаю.

00:39:40

Отче наш?

00:39:42

Нет. Ну... «Огради мя, Господи, силою Честнаго и Животворящаго Твоего Креста, и сохрани мя от всякаго зла». Это отрывок из большой молитвы. Вот она этим словам меня научила. Вы знаете, я в трудные минуты всегда эти слова вспоминала. Первый класс закончила. Уже папа после войны стал директором школы. Это у нас очень лесной район, далеко от Кудымкара. И мы пошли за первыми ягодами втроем, те две сестры и я. Мы все погодки. Я первый класс, та — второй класс, та третий закончила. Ягодки собрали. И сели, поели, в общем, едим. И что-то хохочем и хохочем. Что-то смешное, и хохочем, и хохочем. Ну ладно, встали, пошли. Всё оставили тут и бумажки раскидали. В общем, мы пошли домой. Шли, шли — и мы пришли на это же место. Это старшая у нас стала нас ругать: «Да вы хохотали. Да вы, из-за вас это мы вернулись снова». Ну ладно, вроде маленько успокоились, но идем и всё равно хохочем, мы вдвоем с той младшей хохочем-хохочем. И второй раз мы пришли на это же место. Тогда та говорит, старшая — ну что, мы испугались, заревели: надо, дескать, одежду перевернуть. Мы одежду перевернули. А еще надо, дескать, молитву читать. Молитву. А мы молитву-то не знаем. А я знаю молитву. Я давай с ними эту молитву учить. В общем, они за мной повторяли. Молитву выучили. Встали, пошли. И мы вышли. И мы из леса вышли. Почему вышли?

00:42:09

Потому что молитву знала.

00:42:11

Потому что молитву я знала. С молитвой мы уже. Или просто мы стали внимательнее. И шли-шли, вышли. Кто его знает?

00:42:23

А я хочу еще спросить вас о годах войны. Я понимаю, что вы родились накануне.

Мало чего вы можете помнить. Но все равно родители, мама, бабушка, в любом случае, может быть, что-то осталось в памяти о военных годах. Как это было? Как это чувствовалось здесь?

Ой, конечно, страшно это было. Вот я, знаете, помню конец войны, вот 1945 год. Я сидела на завалинке на улице. И вдруг что-то темно стало. А тогда у нас радио-то... было или не было, я не знаю. Наверное, было радио в доме. И вдруг слышу: «Победа. Победа. Война закончилась». Вот это я хорошо помню, а больше ничего так-то не помню. Но единственное, что во время войны-то было очень страшно. Вот почему-то небо было темное и летали самолеты. Самолеты летали, и было страшно. И грозы какие-то страшные были. Вот это я помню. А так-то...

00:43:47

У нас тут линия на север шла. Самолеты летали.

00:43:50

Ну, знаете, что... Вот нас... При дедушке разорили, всё унесли. Дом и всё имущество. Два дома было. И где-то в 1944-м, наверное, году мой отец был финансовым агентом. И насадил на бабушку, что она не платила налоги. А деревня была большая, единственной бабушке. И у нас вынесли всё. Всё буквально. Оставили только один дом. Это опять же злость у него была из-за своей матери, что мать его жила с моим дедом. И как раз корова пришла с поскотины. И бабушка вышла с подойницей и говорит: «Я хоть в последний раз каге, — ребенку, мне, — подою корову». А он нас вытолкал в дом, закрыл и говорит: «Зачем каге? Надо колхозу». И не дал даже подоить корову. Всё унесли буквально. Весь двор унесли. Потом магазины построили из нашего... Ну что мы... Как это будет? Чулан. Чулан. Клеть. Тоже дом, только без окон.

00:45:28

Клеть. Тоже дом. Тоже дом. Только нежилой, без окон. Как кладовка.

00:45:34

Сделали магазин. И мы ходили в этот магазин без всякого... Конечно, было тяжело, горестно, но вот куда денешься? В деревне один магазин. Пойдешь и туда. Рядышком с нашим домом построили. Из этого... Из этой...

00:45:52

Клети.

00:45:53

Клети. Магазин. И мы ходили туда, покупали, что надо. Тяжело было очень. Издевались очень сильно. Мне жалко бабушку, потому что страшно издевались над ней. А между прочим, бабушка была очень трудолюбивая. И потом ее считали, уже когда реабилитировали дедушку, считали первой жатницей. Она так хорошо жала рожь, что всех больше...

00:46:26

Жницей.

00:46:27

Жницей, да. Что всех больше она... сожнет, или как они называются. Площадь она, площадь. Больше всех она выработывала. Очень трудолюбивая была. И как-то мужественная, как мужик она была. Всю домашнюю работу делала, конечно, только сама, потому что родственников-то у нее не было. Я уже говорила, что все уехали в Сибирь.

00:46:54

Сколько она прожила?

72 года. Она умерла в 1969 году, в 1969 году, 24 апреля. И вот еще раз скажу. Когда хоронили

бабушку, мама очень сильно плакала. Мы уже последнюю минуту перед выносом тела наклонились над бабушкой. Мама плачет, а я смотрю на бабушку. У нее на щеке появилась... На лбу вначале крупные капельки пота появились. И из глаз у нее вышли слезы. Я говорю: «Мама, перестань плакать. Бабушка плачет, ей плохо». Мама перестала плакать — и моментально эти слезы куда-то исчезли. И потом... через речку, через Иньву, надо было... Как раз речка открылась уже от льда, надо было перенести на другой берег. В Пешнигорте у нас кладбище. Вот там была люлька, возили людей на тот берег и продукты какие-то. И как раз очень сильный ветер был. Люлька вот так прямо качается. Поставили гроб бабушки, стали перевозить — и люлька даже не шелохнулась. Вот примета еще. Потом людей стали перевозить, меня тоже в том числе, маму и всех тех людей, которые будут сопровождать до кладбища гроб. И всех вот так, вот так прямо качало всё. Вот тоже какая-то примета есть. Значит, бабушка была... Ну, как сказать? Не грешна. Даже вот Бог-то, что ли, помогал ей в чем-то. Тяжело было очень. Очень тяжело.

00:49:03

А я еще хочу такой вопрос задать. В Пермском крае здесь были спецпоселения. Сюда высылали людей.

Да. Да.

00:49:17

Тут жили литовцы ссыльные, поляки, украинцы.

Беларусы

00:49:22

Татары, украинцы.

00:49:25

И вот, например, спецпоселение, Велва-База, оно не так далеко от Кудымкара, да?

Да, да, да.

00:49:33

Может быть, вы что-то знаете, знакомы с людьми оттуда? Со спецпоселенцами. Вообще, эта история со спецпоселениями, как она...

Вот знаете что, на Велве-Базе, там... Как же называется? Гуляшор, что ли?

00:49:49

Гуляшор.

00:49:50

Вот там литовцы построили памятник своим родственникам, которые работали там в леспромхозе, умерли, их похоронили. И сейчас живут где-то... В Литве живут, они приезжали туда и построили памятник. Очень, говорят, хороший, я не была, тоже в лесу где-то... Всё почистили, всё обустроили и там построили. И их даже... запрещали сюда приезжать. И этот памятник, говорят, убрали. Вот зачем? Я считаю, что это несправедливо, нехорошо. Зачем на злость идти? Не стоит, потому что вот эти же спецпереселенцы, украинцы, белорусы, литовцы, они что-то вносили в наш округ, какую-то культуру, они работали там, они ничего плохого не сделали. Раньше наши только сажали в огородах картошку, лук да морковку, а они и другие салаты разные высаживали и говорили, что как нужно, что, какие-то салаты, какие-то соленья, варенья нужно делать. Раньше же ничего этого наши коми-пермяки, ничего не знали. Вот только культура пришла вот с этими переселенцами.

00:51:29

А мы учились с ними, мы дружили, мы так дружили! Никакой вражды или что-то, что литовец или татарин, нет, мы все дружили. И помню, я уже в восьмом классе в Купросе училась, там еще с разных, у нас семилетка школа была, семь классов тут, а в восьмой класс я уже 15

километров от нас, и с разных, с разных местностей тоже: литовцы, и латыши, и мы в одном классе учимся, и мы так дружим. И я после этого восьмого класса, так получилось, мы с папой поехали в Пермь. Папа решил очно учиться в пединституте, а он же учительский институт кончил. Теперь он решил...

00:52:29

Высшее образование получить.

00:52:30

Высшее, в пединституте. А я в девятый класс должна... И мы с папой поехали в Пермь, я в девятом классе в пермской школе училась. Так вот, больше всех мне письма писали вот эти литовцы, украинцы и прочие. Они: «Ну, Свете же скучно там, ну она же скучает». Ну, они меня заваливают письмами. Когда на письма отвечать? Ну, отвечаю, всем отвечаю, со всеми дружу отвечаю, но... Я такой человек, я нигде не скучаю. Я пришла в новый коллектив, и я всё, вжилась в этот коллектив, и, в общем, всё нормально у меня. И скучно — нет, и еще везде голову сую. Деревенская девчонка со страшным акцентом коми-пермяцким. Почему только... Понимаю сейчас, что я с таким акцентом говорила, потому что я подошла и сказала: «Здравствуйте, девочки!» И мне сказали: «Здравствуй, девочка!» Мне ответили, то есть подчеркнули, что я так... А коми-пермяцкий язык тем и отличается, что мы выговариваем полностью звуки в слове. Когда мы говорим по-русски, там же мы сокращаем, редуцируем всё и прочее, и прочее, а коми-пермяцкий язык такой. Поэтому... Но ничего, везде стала. Вожатые в третий класс нужны, я пошла вожатой работать, а я деревенская, лыжница, я очень хорошо на лыжах ходила. А лыж у меня нет, сказали, на физкультуру без лыж не будут пускать. А вот секция при Горном институте открывается, вот там лыжи хорошие дают. Девчонки говорят: «Пойдешь?» — «Пойду». Дали лыжи, стали в эту секцию ходить. Где я, в какую секцию ходила? Я только каталась. Тут у нас горы, всё-всё-всё было. Я каталась хорошо. А там секция, всё. Занятия такие. Еще с сентября до зимы-то меня накачали. И вы знаете, первое соревнование, открытие городского сезона, и я занимаю, я не торопясь шла, я не ломилась, я четвертое место по городу заняла. По городу Перми, не просто так. Ну, преподаватель, я понимаю, как вырос. И у меня фотография там, и всё там такое. Кружок кройки и шитья открывают? Ну как это я не пойду в кружок кройки и шитья? Пошла. Я потом этими записями пользовалась, я выкройки делала, шила. В общем, куда еще у меня?

00:55:56

Фотографии.

00:55:58

А?

00:55:59

Фотографии.

00:56:00

На лыжах. А на лыжах стала ходить. Ну, уже в школе все на меня смотрели. А преподавателю еще что говорю на уроке? Ну, я-то не думая говорила, только классный руководитель уже передала моему отцу, что «у нее задатки большой спортсменки», видимо. Она говорит: «Вот посмотрите, как я сейчас буду идти, и сделайте мне замечание насчет техники, правильно я хожу или нет. Сделайте мне замечание». Так всю жизнь ходила хорошо, о большом спорте не мечтала, но везде участвовала, везде. А вот городские, вот городские, скажем... Ну, вот классы, наш класс, вот объявляют смотр художественной самодеятельности. Я с первого класса участвовала в смотрах. Папа мой директором школы был, всем этим руководил. Я стихи читала, я песни — умела петь, не умела — я пела. Я танцевала. Умела или нет — танец разучим, и я танцую, и я всё время на сцене, артистка. Тут объявили, но ведь никто не идет. Говорят, три номера от класса. Но ведь никто не идет. Ну, я говорю: «Ну надо же участвовать. Так, я записалась, я буду стихи читать. Я стихи неплохо читаю. Стихи буду читать». Ну, больше никто. «Хорошо, тогда еще песню спою». И я два номера от класса выдала, а песню я пела «Кудымкар [ин. яз.]».

00:58:01

Я не знаю.

00:58:04

[ин. яз.]. Ну, хорошая, веселая.

00:58:08

Как переводится?

Ну, о Кудымкаре.

00:58:12

Кудымкар — столица округа.

00:58:14

Столица округа. А у меня...

00:58:16

Красивый город.

00:58:17

...красивый родной дом мой. И дальше. И это почему-то я в русской пермской школе пою коми-пермяцкую песню. И так черт возьми, знают. Еще знаете, чем отличалась — вот в те годы, косички... Вот такие косички. Бантики маленькие, черные, коричневые ленты. Всё, маленькие ленты. А я была кудрявая...

00:58:48

Вот, вот. Вот.

00:58:50

Что там? А.

00:58:52

Вот. Вот какая прическа, косички мы носили только. Волосы были вот до сих пор.

00:58:57

А я приехала, у меня, значит, волосы кудрявые, до плеч кудрявые. Я кудрявая. Ладно, это я так до октября походила, потом я решила постричься. Я подстриглась. Пошли мы в баню с девочками. А девочки мне стали говорить: «Ой, а что это у тебя с волосами? А что это у тебя с волосами?» Ну я откуда знаю, что у меня с волосами. Я говорю: «А что?» Вышли к зеркалу, а у меня волосы стали подниматься, и они у меня стали закручиваться. И в понедельник я прихожу как негритенок, у меня волосы были длинные кудрявые, а тут вот у меня такая шапка. Все: «Ой!» Классный руководитель: «Это что такое?» А наши девочки, а мы впятером баню в общую ходили, они говорят: «Вы знаете, это было на наших глазах, она завивку не делала, это у нее так волосы сами закрутились». «А еще, — говорят, — деревенская. Вон какие волосы у нее стали». А самое главное, что, значит, я захожу в класс, девочки все в коридоре, одни парни. Я, значит, захожу со своими длинными волосами. «Ой, вы к нам пионервожатой?» Я говорю: «Если есть пионеры, буду вожатой. А где свободное место?» Вот на второй парте, значит, свободное место. Я сажусь туда. «А где девочки?» — «А где им положено: на улице». Всех выгоняли, оказывается. Я стала учиться, я, во-первых, ни разу не вышла.

01:01:01

Почему девочек выгоняли?

Ну, а кто их знает? Вот порядок в классе был: парни остаются на перемене, девки все выходят. А я математиком вообще-то была. И математик сразу меня к доске вызвала. Ну, и я, в общем, со своим акцентом, но я всё отлично, это все решаю. Теорему я доказываю. И они поняли, что я математик, и парни все: ну как, списать у кого — у нее. И ко мне такое отношение сразу стало. Так что хорошо я училась там, хорошо вжилась, уважали, нормально. А потом больше того, значит, директором школы был у нас в 96-й школе, он вдруг у нас на кафедре педагогики в пединституте появился. Но я же вижу, что он появляется, ходит, что, думаю, работает, видимо. И мы поехали в пионерский лагерь, на практику нас отправили на два месяца. И вдруг... А там лагерь на 800 человек, каждый отряд — 36 человек. И вот отдельный дом у нас, такое здание. И вот вечером на веранде играем. Так мало того, еще мальчишки из соседнего отряда пришли. И мы два отряда играем с ними. И вдруг появляется вот этот наш директор, он... Бывший директор. Ну, он стал разговаривать. И всё-всё-всё у детей спрашивать, как живем мы тут, чем занимаемся. Они все рассказывают. «А мальчишки тут что делают?» А мальчишки говорят: «А мы их очень любим. Они очень дружные, нам с ними очень хорошо, мы играем с ними». Ну, в общем, всё они выяснили, с нами побеседовали. И потом он мне говорит: «Вы знаете, мне кажется, что я вас откуда-то давненько знаю».

01:03:23

Замечали ли вы, как дети, подростки, к ним какое-то другое отношение со стороны, может быть, я не знаю, учителей, каких-то других взрослых к детям, своим сверстникам. Было ли вообще к этим людям какое-то иное отношение?

Нет. Нет.

01:03:40

Нет. Нет.

01:03:43

То есть к ним относились так же, как и?..

Да. Так же хорошо.

01:03:46

Да-да-да.

01:03:50

То есть к их родителям, не было такого, что это люди второго сорта?

Нет-нет-нет.

01:03:55

Нет.

01:03:57

Нет, этого не было. Я помню, больше того, на большой перемене, например, мы как, утром мы поели, мы даже не успеем, ну, на столе оставляем еду, оставляем, не успевали убрать, в школу уходим все, брат в садик, а мы в школу с родителями. На большую перемену я вот этих приведу... Ну, скажем, русские, литовцы, из поселка они. Из поселка. Они там живут, а учатся-то. Школы там еще не было. Я их всех покормлю, они поедят. Денег у них нет, а у нас такая лягушка большая была фарфоровая. И в общем, мы туда монеты бросали. Денег у них нет, я натрашу деньги, сколько-то им деньги дам.

01:05:02

Вот я еще хочу рассказать такой случай. Это еще до школы. В колхозе, в деревне у нас открыли садик колхозный. Всех детей принимали туда — меня нет, потому что я враг народа. И я до вечера дома сижу, когда их отпустят из садика, я иду к садику, сажусь на бревно, жду пока они покушают, выйдут и мы идем гулять. А меня не принимали в садик в этот, потому что я репрессирована. Из семьи, да.

- 01:05:49 А вот моя мама тоже после института приехала.
- 01:05:52 А бабушка, бабушка, я немножко перебила тебя, а бабушка в колхозе работает. Вот как так можно было?
- 01:06:00 **А мама?**
А мама... А мама где-то работала, в какой-то деревне или в селе работала в садике. До школы я всё росла с бабушкой.
- 01:06:19 **То есть, а мама удален... То есть мама уехала, в другом месте работала?**
Да, да. Да, она в другом месте. А меня в садик не принимали. Ну, конечно, обидно мне, вот я помню, обидно было, они вынесут хлебушка, хлебушка с маслом, мне показывают, едят. А я смотрю на них, на бревнышках сижу, сижу смотрю на них, а я голодная.
- 01:06:47 **А в школе было какое-то прохладное отношение?**
В школе так не было, в школе не было. Я всегда в школе была старостой. До конца и до... 10 классов закончила, тоже старостой была. Потому что получилось так, что я работала, девять классов закончила и работала. Только после этого снова поступила учиться в школу. И старостой была, всегда была старостой почему-то.
- 01:07:17 **А с вами в школе не было вот из спецпоселенцев детей?**
У нас деревня, поэтому у нас не было этих поселенцев. В нашей деревне не было. Это в леспромхозах... Где леспромхозы, а у нас колхозы — там не было. Вот, например, Самково, Самково, мама работала в Самково заведующей садиком. Меня она в третий класс, что ли, забрала. Да. Первый класс я закончила в Полве, она работала там, а потом ее перевели в Самково. Там леспромхоз был, там были литовцы. И вот я... Мы жили недалеко, литовцы жили — и мы рядышком. И они меня как бы даже хотели забрать у мамы, удочерить. «Мы, — говорит, — увезем ее к себе». Ну, конечно, мама не отдала меня. Вот я помню, я приходила к ним, они конфетку дадут или что-нибудь вот такое. Но никогда такого не было, чтобы как-то ненавидеть или что-то такое.
- 01:08:29 **А вы знали, вот детьми, вы понимали, как они вообще здесь оказались? Почему вдруг здесь?**
Ну, вот тогда мы, наверное, маленькие еще были, ну, где-то первый класс, второй. Мы вот это пока не понимали. Когда уже взрослыми стали, когда уже сами работать стали, мы, конечно, знаем эту историю. Их привозили до Менделева, у нас есть станция на поезда, поезда ездили, а потом они шли пешком до леспромхоза, например, привозили их в лес, оставляли, строите себе жилье, что хотите, то и делайте. Вот они вот в таком положении тоже были. Вот эти истории рассказывали они.
- 01:09:22 **Это они сами рассказывали?**
Сами рассказывали. Поэтому, конечно, наверное, что-то и было что-то, но мы это не знаем. Мой дедушка, Мехоношин Макар Романович, принимал участие в империалистической войне 1914 года, но попал в плен и был угнан в Германию. В Германии он работал у помещика. Там выучился читать, писать и прекрасно говорил по-немецки. Только в 1918 году он вернулся снова на родину. Вернулся на родину и нужно было жениться. В соседней деревне Вырова жила девушка, была на выданье. И родители решили только не выдавать ее замуж кому-то, а чтобы мужчина пришел к ним в дом как работник. И вот такой появился Мехоношин Макар Романович.

01:10:35

Римма Григорьевна, давайте еще скажем, что дед был сиротой ваш, он же вернулся не к себе домой, не в свою семью, потому что он был сиротой.

Да-да-да. Где он воспитывался.

01:10:48

Почему так получилось?

Потому что, потому что в доме...

01:10:52

Нужно сказать: дед был сиротой.

Ну в роди... Дедушка был сиротой, остался в родительском доме. С семьей жил уже старший брат. Поэтому вернуться ему пришлось снова к тем людям, которые его взяли на воспитание в шестилетнем возрасте. Они приехали свататься бабушку Екатерину. Бабушке вначале он не понравился, потому что очень смелый, в хромовых сапогах, а в деревне ходили мужики в лаптях в то время. И говорит, бабушка вывела ее в сени и сказала: «Если ты не выйдешь за него, значит я тебе не дам никакого придан[ого]». И бабушке пришлось согласиться: «Выйду». И вот состоялась свадьба. Дедушка был такой интересный, видимо, мужчина, поэтому он первым записался в колхоз и был председателем колхоза, а в момент ареста он уже работал завфермой. Первый раз его арестовали в июле 1937 года. В 1937 году вывели его на расстрел конюшню, и он крикнул: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь! Я чистый коммунист!» Его выпустили и сказали, чтобы он собрал подписи и всех в деревне... чтобы все подписались. Не подписались только три человека, которые написали на него анонимку. Второй раз его арестовали 28 сентября 1937 года на работе. Привели его в дом, где он жил. Где он жил... Даже один милиционер оказался, тоже говорил по-немецки и говорит: «Ах ты...» Можно? «Ах ты, сукин сын, ты даже немецкий знаешь хорошо? Давай поговорим». И они поговорили по-немецки еще. И он похвалил дедушку, что он хорошо владеет немецким языком. И сразу его арестовали. Всё отобрали, дом отобрали, увезли всё, всё имущество, всю одежду у дедушки. У дедушки там шубы, тулупы, рубашки и тому подобное. Ничего не оставили. Всё имущество разобрали колхозники. Их увезли в Юрино, в Кудымкар. Они сидели, как бы пересылочн[ый] пункт у них там был. Народу было очень много. Бабушка с мамой, они приходили с передачей. Первый раз они пришли передачу [принести], к окошку бабушка подошла, и там спрашивают: «Кто вы?» Она сказала: «Жена». Бабушка как рассказывала. «Давай передачу». Бабушка передала. Второй раз они тоже пришли с передачей, но их, говорит, посадили в машину, в открытую машину. Все как горшки сидят, арестованные. А дедушка стоял впереди. Видимо, был за старшего. Их повезли в баню. А в третий раз они пришли с передачей, уже их не застали, потому что, говорит, только недавно их увезли в Пермь. Пересылочный пункт. После Перми, через несколько дней, их увезли в Свердловск. И 28 сентября... 28-го... Ой, путаю, 4 ноября 1937 года их расстреляли. Расстреляли в большой яме. Был вырыт большой котлован, яма большая, их поставили на краю этой ямы и расстреливали. Падали, падали арестованные. Кто раненые, кто вообще... И потом закопали землей. И несколько дней были слышны даже звуки оттуда, из-под земли. Но подойти туда было невозможно. И вот так несколько ночей привозили, расстреливали. Закапывали в этой яме. И никто ничего не знал.

01:15:36

Римма Григорьевна, откуда эта информация? Откуда вы это знаете?

А потом мы ездили. Там же есть как бы дом такой, где собраны сведения про них. Там рассказывали. Вот первый раз экскурсия была проведена в этом доме. Ты, Света, не была там?

01:15:56

Была тоже.

01:15:58

Была тоже? И вот там оттуда рассказывали.

01:16:00

В Екатеринбурге, да?

В Екатеринбурге, да. Что были стоны слышны.

01:16:04

Я поняла. Так, а вернемся еще к бабушке. На тот момент, когда дед пришел свататься к бабушке, бабушка, она из какой семьи? Как она появилась?..

Она выросла... Родилась в селе Пешнигорт...

01:16:21

Как ее зовут? Извините, давайте начнем...

Екатерина. Екатерина, Катя. Родилась она в многодетной семье. Она была последняя девочка, шестая. А в деревне Вырова, это три километра от Пешнигорта, жили зажиточные крестьяне, Михаил и Татьяна. У них не было детей. Они искали, чтобы кого-то удочерить. И вот они пришли в этот дом. В дом к многодетным. И посмотрели, говорит: «Вот нам эта девочка понравилась». Она сидела за прялкой уже, ей было всего шесть лет. Они ее забрали. За нее они отдали масло, муку, картошку, мясо. Как бы выкупили у этих бедных, бедных людей. Конечно, они были, наверное, рады. А сами потом, через некоторое время, они уехали в Сибирь. Они приехали к этим... к бабушке, ну дочери, Катерине, попрощаться. Но она полезла на полаты и плакала там. И ни в какую не спустилась. Они уговаривали ее. Потом она сказала, говорит: «Всем хватило места в телеге. А мне нет. Поэтому мне было очень обидно». Конечно, Михаил и Татьяна, приемные родители, она их мамой и папой называла. Держали, видимо, в строгости. Потому что ей хотелось учиться. Там соседняя девочка, ее возили в Кудымкар на учебу, а бабушка, говорит: «Я бы тоже хотела, чтобы меня возили». А мать ей сказала: «Нечего, сиди, работать надо дома». Поэтому ее так... Она так и не получила образование. После дедушки, конечно, бабушке было очень-очень тяжело. Потому что над ней издевались. Из колхоза ее выгоняли. Она в соседнем колхозе работала. Ходила несколько километров, чтобы поработать. А потом снова вернулась к себе в колхоз. Была очень трудолюбивой, поэтому как бы считалась очень такой работающей трудолюбивой колхозницей. Вначале бабушка не хотела вступать в колхоз. Когда дедушка вступил, записался в колхоз, он пришел домой и говорит: «Давай ты иди записывайся в колхоз». А бабушка сказала: «Нет, я не хочу». Он тогда взял икону и бросил эту икону. И икона разбилась на две половины. И вот, видимо, какое-то наказание, что ли. Арестовали его и расстреляли. Вот это бабушка мне всё рассказывала.

01:19:27

Римма Григорьевна, а вы выросли с бабушкой?

Я выросла с бабушкой, потому что мама после рождения меня сразу поступила в педучилище. И я вот маленькая... маленькая всё была с бабушкой. До восьми лет, видимо, я находилась с бабушкой. Конечно, испытала очень-очень-очень... Всю войну мы с бабушкой были. Трудности были очень тяжелые. Мы голодали. Ну еще... Еще второй раз раскулачили нас. Поэтому было очень плохо.

01:20:10

А можно об этом сказать хотя бы как-то вот?

Ну вот я не знаю, как, говорить или не говорить об этом, потому что...

01:20:18

Ведь, как я понимаю, у дедушки была...

Вторая семья. Со второй семьей он жил с женщиной, которая оставила мужа в доме и единственного сына. А когда дедушку арестовали, он естественно отомстил за свою мать. Он, можно сказать...

01:20:40

Он — это кто?

Григорий такой.

01:20:43

Это кто...

Это сын у этой женщины.

01:20:46

Отец ее.

01:20:47

Мой отец... будущий. Он... изнасиловал — можно сказать? Изнасиловал маму, которая училась в седьмом классе. И чтобы никто не знал, она завязывала живот свой платком. И рожала очень трудно. Это я не для этого говорю. Рожала очень трудно меня. И после рождения сразу поступила в педучилище. И ездила она на неделю. Жила неделю здесь, в Кудымкаре, училась, а я жила с бабушкой. А потом, после окончания педучилища, она работала в Ёгве пионервожатой. Естественно, без меня. Меня она, конечно, куда она заберет? Сама молодая, сама раздетая. Нечего было даже [на]деть на себя. Бедность. Потому что всё унесли, что можно было. И плохо, плохо жилось маме, конечно. После... Год она проработала в Ёгве и приехала домой, потому что надо было еще помогать маме, в колхозе она немножко поработала. Возила зерно в Менделеево на лошадке, а потом снова стала работать где-то в Полве, что ли. В общем, я не знаю, но меня оставляла она с бабушкой постоянно. Постоянно. Я очень-очень благодарна своей бабушке Екатерине Михайловне. Она себя называла... Я говорю: «Бабушка, ты ведь Екатерина Порфирьевна» — отец-то родной Порфирий. Я говорю: «Ты ведь Порфирьевна?» — «Нет, я Михайловна». «Катерина Михайловна» — она вот так говорила.

01:22:50

А свою фамилию она помнила родную?

Нет, нет. Я даже не знаю. Я даже не знаю родную фамилию их, какая у них фамилия была у родных родителей, и не знаю у приемных. Только знаю Татьяна и Михаил. А как их звали? Вернее, какая фамилия у них была, я не знаю.

01:23:15

А у бабушки документы какие-то?

Нету никаких. А какие тогда? Документов никаких не было.

01:23:20

А свидетельство о смерти?

01:23:22

О смерти... Свидетельство о смерти — она Михайловна. Мехоношина Екатерина Михайловна. Я где-то показывала. Где-то есть тут у нас. Вот это. Вот это, ну-ка посмотрите. Это Екатерина Михайловна. Вот она Екатерина Михайловна.

01:23:41

А вы можете так подержать просто в руках?

Екатерина Михайловна она. Было 72 года, умерла.

01:23:52

То есть бабушка взяла на себя воспитание ваше?

Да, да. Воспитание.

01:23:57

Чтобы мама могла...

01:23:58

Получить образование.

01:24:01

А сколько было маме лет, когда вы родились?

Семнадцать. Так получилось, что в деревне у нас не было школы. А река Иньва... В Пешнигорте только школа была. Ей было, наверное, девять лет, что ли, когда открылась только школа, начальная школа в Вырова. Она пошла туда уже девятилетней. И потом, когда они закончили четыре класса в Ворова, их перевели в Пешнигорт и снова посадили в четвертый класс. И когда седьмой класс она стала заканчивать, учиться, ей было уже 17 лет. Это не только она такая была. Там все 20-летние были, 18-летние, всякие, в общем, всех собрали, чтобы их обучать.

01:24:57

Римма Григорьевна, а вот эту историю о вашем отце вы от кого узнали?

От бабушки. Мама никогда не говорила. Что случилось с ней, она не говорила. Бабушка рассказывала, говорит: «Я до конца не знала, что она беременная. Полненькая и полненькая. А потом мне... Уже ей рожать. Я спрашиваю: “Анна, ты, что ли, беременная?” Она говорит: “Да”. И заплакала. Я не стала ее ругать, чтобы ничего она с собой не сделала». Вот так появилась я.

01:25:37

Какая мудрая бабушка.

01:25:41

Я очень благодарна бабушке. Она, она вот всю мужицкую работу, всё сама делала, потому что никто ей не помогал. Родственников у нее не было в Вырова, потому что все были в Сибири. Они даже ни одной строчки не написали ей. Даже бы написали, она и читать-то бы не умела. Но всё равно кто-то бы прочитал, но писем никаких не было, никаких вестей не было. Бабушка, что там? Там, говорят, еще появились дети... Здесь еще... в другой деревне, в Боярке, что ли, жила, старшая сестра у нее еще была. Она была замужем там, она оставалась, но она какую-то связь имела. А бабушка моя, нет, ничего не имела.

01:26:34

А дальше...

Потому что, может быть... Может быть, даже потому, что она была продана в Вырова Татьяне да Михаилу. Может, поэтому у них связей никаких не было. Может, не расстраивать ее или как. В общем, как так получилось, что... Ну, не было никакой связи. Бабушка так и прожила.

01:26:59

А вот дальше в течение жизни, когда вы узнали эту историю о своем отце, вы сталкивались...

С отцом? Да?

01:27:12

И с его родней как-то?

01:27:14

С его родней, у Григория?

01:27:17

Да.

Ну отца уже не было, я не помню, а мать-то... Она, можно сказать, что она мне двойная бабушка, можно сказать, по отцу как бабушка родная, и то, что она жила с моим дедом. Сталкивалась, но никакой связи у нас не было. С отцом... Тоже... я даже здоровалась. Даже получалось так, что однажды мы ехали в автобусе, я ему уступила место.

01:27:57

Он знал, что вы...

Да, да. Он знал очень хорошо. Он алименты мне платил четыре года. Последние четыре года, с 14 лет. Были 1950-е годы, были очень трудные годы, и мама подала на алименты, вот он мне

четыре года платил алименты. И однажды были выборы в деревне. Мы уже легли спать, вот это я помню, легли спать, и он пришел с женой, стучался к нам в дверь. Говорит: «Я заберу Римму к себе, к себе». У него долго детей не было. Говорит: «Я одену ее, и она будет воспитываться у меня». Ну, конечно, мама разве отдаст? Мы не открыли даже ему двери, а жена-то его тащит: «Пошли, пошли, пошли», и потом ушли они. Встречалась я с ним. Но тогда... Ну, просто вот как... Знакомый человек, человек — и всё. А вот если бы мы помалкивали до 1957 года, и когда вот я училась, я никогда не рассказывала, из какой семьи я. Вот только последние годы я стала раскрываться и рассказывать, что, как я жила, как я воспитывалась, что и как, почему. И это... Было очень, очень-очень было тяжело.

01:29:36

Римма Григорьевна, а какие-то братья и сестры по отцу всё-таки есть?

01:29:41

Есть, очень много, сестры. Брат есть, но, по-моему, он пьяница, этот брат. Уже после меня это всё. Сестра, Алевтина Григорьевна, она тоже учительница была, на пенсии. Она младше меня лет на... Не на 10, лет на 8. Младше меня. Потому что они поженились с женой, он женился, и у них долго очень не было детей. Вот Алевтина — это первая дочь после меня. После этого еще три дочери, по-моему. И вот сын, а один сын... Еще один сын был. Они, говорит, справляли день рождения этого сына в одной комнате, а мальчик-то умер в другой комнате. Когда они подошли, он уже, маленький был, умер. Я не интересовалась. Между прочим, с женой-то... С женой мама-то в педучилище учились вместе. И они домой вдвоем... Из деревни вдвоем учились в педучилище. И мама всё, мама рассказывала: «Она в ботинках идет, в ботиночках — тоже единственная дочь была — она боится перейти ручеек, а я впереди иду в рваных лаптях и перехожу». А потом они даже в детском доме вместе работали, но уже связи у них никакой не было. А у нее, видимо, у той женщины, ревность, что ли, какая-то была или что. Еще скажу. У меня в Пешнигорте жил дядя со стороны бабушки, родственник. Тоже Григорий. У Дины, ну ты, наверное, не знаешь, Дина Фадеева была у меня подруга. Она приемная была. Мать-то ее, а отец, Григорий, дядя Григорий, дядя Гриша, он был отчимом у этой Дины. И они собирались, два соседа, мой отец Григорий и он Григорий, дядя Григорий, собирались. И дядя Гриша всё говорил, мол, Римма, ты ведь красивше, чем твои дети. Говорит, мы спорили всегда с ним.

01:32:40

С Алевтиной-то они похожи. Я тоже знаю...

01:32:48

Да, только она светлая, а я темная. Потому что у меня дедушка-то был темный, черный. Мама тоже темная была. Бабушка у меня русая, светло-русая была, бабушка Катерина. А я вот что-то такое, темнота-то тоже у меня есть. Да, ведь?

01:33:18

Русая.

01:33:19

Русые были волосы. У меня коса была, обстриглась на втором курсе. На лекцию еще... Вы это не записывайте.

01:33:30

А что?

Это просто воспоминания такие. На втором курсе я с Тасей, наверное, пошли в парикмахерскую, я волосы-то обстригла, и на лекцию опоздали. А у нас общая лекция была, четыре группы все. Мы заходим... Сергей... Отчество забыла.

01:33:55

Георгиевич?

- 01:33:56 Нет. Этот... Логику кто вел у нас?
- 01:34:01 Сергей Иванович вроде.
- 01:34:03 Нет, не Иванович. Сергей... Ну ладно, неважно. Мы заходим, я тихонечко захожу, сажусь за последнюю парту, там Таранушичи сидели, там свободно было, сели, он увидел, что у меня волосы, головой так покачал, наверное [подумал] «дурочка, зачем постриглась». Вот такие дела были.
- 01:34:28 **Римма Григорьевна, а с отцом пообщаться вам так и не удалось в течение жизни?**
С этим? С этим? С Григорием-то, с отцом?
- 01:34:37 **Спросить у него что-то...**
С отцом-то? Ой... Нет, ну встречались вот так, я здоровалась с ним. Даже когда я вышла замуж, мы приехали с Юрлы, с Валерой, и вот на мосту, у нас Иньва-то, тогда висячий мост был, мы переходили. И мы перешли только этот висячий мост, и он встретился, поддатый. И я поздоровалась и отошла. А с Валерой-то он стал разговаривать. Говорит: «Я вино куплю на свадьбу-то». На нашу, на нашу свадьбу. Я говорю: «Валера, пошли-пошли-пошли». Мы пошли, оставили его. А так-то, чтобы что-то вот душевно разговаривать, я не разговаривала с ним. Если бы он встретился сейчас мне, я бы всё высказала, потому что у меня нет обиды, что я родилась, а есть обида, что второй раз нас разорили и виноват он в этом.
- 01:35:48 **Как это произошло?**
А он финансовый агент был, финансовые агенты какие-то были. Тогда ведь молоко должны сдавать, налоги должны платить, яйца должны сдавать были — всё это государству. И он насказал единственной бабушке, что она не платила налоги. И он пришел без всякого... без всякой бумажки, и он всё у нас... Всё разорил, оставил один дом. И вот я ведь говорила, что корова-то пришла с поскотины, бабушка вышла с подойницей, с ведром, и говорит: «Я хоть каге, — ребенку, — подую молока в последний раз». А он говорит: «Какой еще каге, колхозу надо». Он нас вытолкал, вот это перед моими глазами, он вытолкал нас в дом, закрыл, и мы в окошко с бабушкой смотрели, плакали, как увозят всё, всё имущество наше. А выйти было невозможно. Вот это я бы ему всё сказала. Но тогда, в те годы я боялась. Это уже последние годы мы вот стали говорить, а раньше ведь нельзя было говорить, кто ты такая, откуда ты, и как ты, в какой семье ты вырос, об этом мы скрывали.
- 01:37:20 **Сколько он прожил, как он умер?**
Ой, я не знаю даже. Я даже не знаю, когда он умер. Он старше был мамы на два года, видимо. Он раньше мамы моей умер, потом жена у него умерла, потом мама. Мама умерла моя в 1993 году. Ой, тяжело... Тяжело я росла, девочки, тяжело.
- 01:37:50 А когда бабушка умерла, в каком году?
- 01:37:51 Бабушка умерла 24 апреля 1969 года. Ей было 72 года. Маме столько же.
- 01:38:05 **А как бабушка, узнала ли она, поняла ли она, что ее мужа реабилитировали?**

Конечно, она...

01:38:13

Как она это приняла?

Она, ну... Ну больше как бы мама всё это, она и писала, она и в Пермь-то не раз ездила, в госбезопасности всё узнавала. Но, по-моему, равнодушно, что ли. Ну это прошло уже, видите ли, 1957 год, уже 10 лет. Нет, 20 уже, 20 лет уже ведь прошло, 20 лет. У нее, видимо, уже забыто всё было, все горести. Но она очень сильно еще болела. Но в чужой семье она росла. Ее с детства заставляли работать. Вот она маленькая. «А я, — говорит, — уже всю работу делала». Они коров держали много, видимо. У них поля были, у этих приемных родителей, и поэтому надо было работать. Ее всё заставляли, всю работу выполнять. Домашнюю работу выполняла вот такая девочка. Она была приучена к любой работе, поэтому ей было очень тяжело.

01:39:27

А мама ездила в Пермь, то есть чего она хотела? Она хотела узнать, где ее отец?

01:39:33

Узнать, да, что случилось, где его... Первая... Ну, можно сказать, похоронка, что ли, свидетельство о смерти пришло, что он в Сибири был, осужден на 10 лет, находился в Сибири и в 1943 году от укуса клеща он умер. А вторая вот эта похоронка, на самом деле действительная похоронка: 4 ноября 1937 года расстрелян в Свердловске.

01:40:12

А первое свидетельство о смерти, то есть оно было фиктивным?

Фиктивным, да.

01:40:17

Каким образом оно к вам попало?

А я не знаю, просто пришло, я тогда еще маленькая, наверное, молодая была. Я-то не помню как, но это свидетельство мы долго хранили. А потом, когда вот это второе пришло, мы уничтожили.

01:40:34

Мой дед тоже, пришло сообщение, что в 1945 году он...

01:40:39

Умер.

01:40:40

Умер.

01:40:41

Да, это фиктивно. А вот дядя мой... Дядя Аким, который был военным прокурором, он тоже узнавал, что случилось с Макаром. Но я не знаю, смог это узнать или не смог, я не знаю. Потому что у нас как бы... Он где-то во Львове был, работал после войны.

01:41:16

Это брат бабушки?

Нет, это племянник у дедушки Макара. У брата, старший брат Силантий был у деда, а дед мой был самый младший, шестой ребенок, а Силантий был первый. И вот у него сын, сын Аким, работал военным прокурором во Львове. А потом, вот сейчас мы когда искали, вот это, вот это, вот это... Это ведь, да? Про дедушку-то. И Андрей нашел: Мехоношин Аким Силантьевич.

Родился в 1913 году, умер в 1977 году. В Твери. Видимо, как... Их долго ведь не держали, прокуроров, на месте, на одном месте, и, видимо, перевели его в Тверь, и вот там он умер.

01:42:21

Племянник вашего деда?

Племянник, да, племянник моего деда. Между прочим, они, их было шестеро, и дети все, все какие-то умные, что ли, были, они все в должностях работали: то врачи, то инженеры, то бухгалтера. Как бы... Племянник тоже у деда Макара, у сестры, у его сестры работал здесь главным, главным бухгалтером «Лес-», «Лес-»...

01:42:59

...«Инвест»?

01:43:00

Нет. Ой, объединение всех леспромхозов здесь, в Кудымкаре.

01:43:09

«Комипермлес».

01:43:10

«Комипермлес», вот как надо назвать. «Комипермлес».

01:43:14

Где администрация сейчас, в том здании это было.

01:43:16

Да, сейчас. Да.

01:43:20

Римма Григорьевна, вы тоже стали учителем?

Да.

01:43:24

Сколько лет вы проработали?

Сорок шесть.

01:43:27

Что вы преподавали?

Русский язык, литературу.

01:43:33

Вместе?

Да. Мы учились со Светланой в одной группе, закончили в 1964 году институт и распределили по всем населенным пунктам Коми округа. Я попала в Юрлу, нас троих, троих из группы направили в Юрлу. Мы работали в одной школе, но одна поработала год, ее взяли в комсомол, вторая работала два года, она уехала в Мараты, а потом уехала еще куда-то, потом оказалась в Перми. Двоих у нас уже их... Ни Таисии, которую взяли в комсомол, ни вот которая уехала, Раида, в Мараты, их уже давным-давно нет в живых. Из троих осталась я одна. Вот мы, у нас, наверное, не было никакой злости на то, что вот наши родственники репресси[рованы]... Ой...

01:44:42

Расстреляны.

01:42:43

Расстреляны. Мы даже об этом не думали, мы не рассказывали, мы даже скрывали об этом. И вот когда реабилитировали деда в 1957 году, стали приходить соседи. Я помню... Я помню... Я помню, пришел, приходили мужчины, которые знали деда, которым дедушка помогал, они жили бедно, он им давал... Они придут, почему-то — Иван, что ли, его звали, этого мужика, он немножко еще вот этим приемным родителям был родственник, — вот он даже плакал, говорит: «Такой хороший был мужик, Макар». И говорит: «Я приду с ведерочком, он положит муку, а сверху картошку. Бабушка спрашивает: “Что он опять дал?” — “А вон, видишь, немножко картошки дал”». Говорит: «Всегда он кормил, я приду, просто приходил поесть к ним. И он меня всегда кормил». И многие-многие вот так воспоминания были. Вот один мужчина тоже, он потом какую-то должность занимал, но не в деревне, а в городе он жил, он приезжал, тоже приходил к нам и вспоминал, говорит: «Очень хороший был мужчина, он веселый был, много знал, рассказывал и шутил постоянно. И работал, работал на основной работе, завфермой, а днем он всегда на жатке косил траву или рожь, очень такой трудолюбивый был мужчина, хороший».

01:46:43

Ну вот об этом обо всем. Когда расстреливали хороших, обычных людей, которые не имели ни к перевороту, ни к троцкизму никакого отношения. Вот что сейчас, как вам кажется, вот в школе, например, об этом нужно говорить? Дети должны знать?

Конечно, конечно, нужно, конечно, нужно. Вот я уже, со Светланой мы ходили, я всегда выступала — и в школу, и она тоже ходила, я даже ездила в соседнюю школу, в деревню, выступать, но вот сейчас почему-то всё это прекратилось. Раньше-то нас вызывали, я и в техникумах выступала, не один раз даже в сельхозе, в Лесном выступала, ну, в общем, перед людьми выступала. А сейчас вот в эти годы, когда началась «корона» вот эта, как бы затишье сейчас всё. Мы только собираемся, вот Людмила Васильевна, Татьяна Юрьевна, она отвечает за репрессии тоже, вот мы собираемся, несколько человек нас собирается, где-то попьем чай, где-то что-то вспомним, расскажем про своих, а так-то сейчас не приглашают нас.

01:48:13

Это, конечно, тяжелое воспоминание, да?

Да, да.

01:48:16

И, как бы сказать, все люди, многие хотят слушать что-то светлое, интересное, веселое, да? А помнить о тяжелом, о таком о горе, страданиях, зачем это вообще нужно, как вам кажется?

01:48:31

Да, понимаете, в чем дело, ведь эти события были, и поколения должны знать. Вот мы, наше поколение еще знает об этом что-то, по книгам, по рассказам, в общем, где-то что-то услышали, а вот уже будущее, вот наше это маленькое поколение, они ведь ничего не знают об этом. Поэтому, на самом деле, если мы помним прошлое, мы люди, а если мы забыли, мы уже никто. Так оно и есть. Я считаю, что надо рассказывать, ведь из истории это не вычеркнешь. Это надо знать. Вот мои дети, Светланы Семеновны дети, они знают. Даже знает у меня хорошо Андрей, старший мой сын, а вот уже младший, младший, Дима, сын у брата моего, которых я воспитала, он уже не интересуется этим, хотя носит фамилию Мехоношин, дедовскую... Прадеда он будет, прадедовскую фамилию носит, а он уже, ему это неинтересно. А вот нынешнее поколение, 1990-х, 2000-х, 2023-го, вот такие, они вообще не хотят об этом знать. Им это неинтересно. Вот я проводила несколько раз, несколько, раза три, наверное, в сельхозе собирали целую линейку студентов, и я рассказывала. Они интересовались, слушали, вопросы задавали. А вот я думаю, что сейчас мы куда-то пойдем, нас будут ли слушать или нет? Им это будет, может быть, даже — 86 лет прошло — может быть, это им неинтересно уже, но надо, надо говорить. Тем более, наверное, не только ведь мы пострадали, а если больше 700 человек, больше 700 с чем-то... [7]64, что ли, арестованы были и расстреляны из Коми округа только, только коми-пермяки. Так это они даже перевыполнили план, наши, по арестам. Конечно, это надо знать. Я считаю так. Не знаю, как власти считают, потому что эти музеи как бы закрывают. В Перми ведь тоже закрыли. Даже говорят, сидит один. Это моя мама, Анна Макаровна, с моим братом, с младшим, Владимиром. Вот это, это я, это мама, а это у моего

брата младший сын, Дмитрий. Он сейчас живет со мной. Свидетельство о смерти бабушки. Расстрелян 4 ноября 1937 года. А это, это документ? Документ какой?

01:52:27

Протокол обыска.

А?

01:52:29

Протокол обыска.

А, протокол обыска. Что, в общем, унесли. Там вещи, дом и постройки, всё тому подобное. Это о моем дедушке написал Владислав Петрович Попов. Он работал в милиции, а сейчас пишет о людях. Фотография — это моя после окончания института. Это я, а это тут я, мама и мой брат, когда мы его отправляли в армию. Он служил в Германии. А вдруг забуду слова?

01:53:17

А, хорошо. Ничего, ничего. Всё, я готова.

01:53:24

Вот так можно говорить, да?

01:53:25

Да, как вам удобней.

Пушкин. «Я вас любил. Любовь еще, быть может, в моей душе угасла не совсем, но пусть она вас больше не тревожит. Я не хочу печалить вас ничем. Я вас любил так искренне, так нежно, то робостью, то ревностью томим. Я вас любил так искренне, так нежно, как дай вам Бог любимой быть другим». Всё. Ну, перепутала.

01:54:00

Еще раз расскажите.

«Я вас...» Пушкин. «Я вас любил. Любовь еще, быть может, в душе моей угасла не совсем, но пусть она вас больше не тревожит. Я не хочу печалить вас ничем. Я вас любил так искренне, так нежно, то робостью, то ревностью томим. Я вас любил так... нежно, как дай вам Бог любимой быть другим». Что-то я там перепутала.

01:54:38

Там как-то безнадежно, по-моему.

01:54:40

Безнадежно...

01:54:42

Да, сейчас я посмотрю.

Ну что-то такое? А?

01:54:46

Я сейчас проверю.

Ну-ка, ну-ка, ну-ка.

01:54:49

Так, «я вас любил...»

- 01:54:49 «Я вас любил так искренне, так нежно, то робостью, то ревностью томим. Я вас любил...»
- 01:54:55 **«Так безнадежно».**
Безнадежно. Вот как...
- 01:54:07 **«Я вас любил. Любовь еще, быть может, в душе моей угасла не совсем, но пусть она вас больше не тревожит. Я не хочу печалить вас ничем. Я вас любил безмолвно, безнадежно...»**
«...Безнадежно, то робостью, то ревностью томим. Я вас любил так искренне, так нежно, как дай вам Бог любимой быть другим».
- 01:55:21 «...Безнадежно, то робостью, то ревностью томим. Я вас любил так искренне, так нежно, как дай вам Бог любимой быть другим».
- 01:55:31 Вот так вот.
- 01:55:33 **Ну, можно еще раз.**
Сейчас опять забуду.
- 01:55:36 **Нет, не забудете.**
Вы мне подскажите.
- 01:55:39 Да.
- 01:55:40 Пушкин. «Я вас любил. Любовь еще, быть может, в душе моей угасла не совсем. Но пусть она вас больше не тревожит. Я не хочу печалить вас ничем. Я вас любил так...»
- 01:55:56 **«Безмолвно...»**
«Безмолвно, безнадежно, то робостью, то ревностью, томим. Я вас любил так искренне, так нежно, как дай вам Бог любимой быть другим». Ну и всё. Ну вот...